

Услышав, что уже наступил час Чэнь, Гу Чжису сразу же стряхнул дремоту, встал, взял с вешалки плащ и набросил на плечи. Направляясь к выходу, он низким голосом приказал:

— Сегодня нужно навестить Старую госпожу. Убери картину, которую я писал вчера, и не нужно завтракать. Ты пойдешь со мной к Старой госпоже.

Цинхуань от его напоминания тут же вспомнила, что сегодня день визита к Старой госпоже, и поспешно подошла к столу, чтобы убрать картину. Внимательно рассмотрев её, она поняла, что это «Карта ста долголетий», и сразу уловила намерение своего молодого господина. С радостью и осторожностью она свернула свиток:

— Слушаюсь, господин.

Хозяин и служанка шли молча и быстро добрались до дверей главного зала. Гу Чжису медленно сжал в руках грелку, наклонился при входе, но краем глаза заметил неподалеку ширму с пейзажем, преграждавшую обзор. На его губах появилась едва заметная улыбка. Опустив голову, он обогнул ширму, сделал несколько шагов, и его взгляд упал на край одежды, вышитый цветами лотоса. Он поднял глаза вверх и встретился взглядом с госпожой Синь, которая смотрела на него с полуулыбкой.

— Внук приветствует бабушку.

Даже увидев госпожу Синь, которая, казалось, не должна была находиться у Старой госпожи в это время, Гу Чжису остался спокоен. Он низко поклонился Старой госпоже и сидящей рядом госпоже Синь, чей взгляд был полон яда и направлен прямо на него. Он произнес слова мягко и с уважением, совершенно не боясь быть уязвленным критикой.

— Приветствую мать.

Старая госпожа оставалась невозмутимой, перебирая в руках новые четки. Услышав его слова, она медленно произнесла:

— Встань. Ты пришел как раз вовремя, чтобы встретить свою мать.

Гу Чжису уловил в её словах нотку злорадства, тихо усмехнулся и мягко ответил:

— Встретить мать у бабушки — для внука, конечно, радость.

Сказав это, Гу Чжису повернулся и поднял руку. Цинхуань, стоящая сзади, поняла, что он требует от неё свиток с «Картой ста долголетий», и поспешно подала его ему обеими руками. Она слышала, как он медленно произнес:

— Это «Карта ста долголетий», которую внук писал для бабушки эти несколько дней. Прошу взглянуть, нравится ли она вам. Если понравится, внук передаст её в швейную мастерскую и непременно к празднику Фонарей закажет для вас ширму с этим изображением.

Услышав слова «Карта ста долголетий», Старая госпожа слегка приподняла веки, скользнула взглядом по свитку, который открыла стоящая рядом матушка Суй, затем махнула рукой. Матушка Суй убрала свиток и передала его стоявшей в стороне Жуцинь:

— Это твоя почтительность, мне, конечно, приятно. Раз уж хочешь сделать из неё ширму, не нужно тебе самой туда ходить.

Едва она это сказала, четки в её руках на миг замерли, и она тихо приказала:

— Жуцинь, отнеси это в швейную мастерскую.

Жуцинь приняла шкатулку обеими руками, поклонилась:

— Слушаюсь, Старая госпожа.

Гу Чжису наблюдал, как уходит Жуцинь, спокойно сжимая грелку, и уже собирался заговорить снова, как вдруг услышал робкий, но полный надежды женский голос:

— Брат...

Этот голос был ему до боли знаком. Услышав его, его взгляд чуть изменился, и он посмотрел в сторону звука. Как он и ожидал, недалеко от ноги госпожи Синь стояла маленькая фигурка в розовом халате. Белый пушистый воротник обрамлял её личико, большие глаза с робостью смотрели на него, когда она звала. Заметив его взгляд, её глаза загорелись, и она по инерции хотела сделать шаг к нему, но вдруг вспомнила о чем-то, подняла голову на госпожу Синь — в её глазах читались страх и вопрос.

Госпожа Синь тоже заметила движение девочки и встретилась взглядом с Гу Чжису. Уголки её губ приоткрылись в улыбке, казавшейся нежной, но в глубине глаз плескалась злоба. Её тонкие пальцы и красивое лицо были безупречны, она выглядела как заботливая законная мать, но и девочка, и Гу Чжису прекрасно понимали, что госпожа Синь — одна из самых злобных законных матерей в мире.

Сейчас она, улыбаясь, держала девочку за запястье и подтянула её к Гу Чжису. Увидев, что у девочки на глазах слезы, но она не смеет сопротивляться, улыбка госпожи Синь стала глубже, полной удовлетворения. Крепко сжав запястье девочки, она подняла голову и, глядя на Гу Чжису с улыбкой, произнесла по слогам:

— Чжису, посмотри, кто это?

Гу Чжису увидел испуг на лице девочки, но его выражение лица не изменилось, лишь глаза стали темнее, а на губах появилась нежная улыбка. От неё у госпожи Синь пробежал холодок по спине. Она посмотрела на него с подозрением и отпустила руку девочки. Девочка, увидев, что её отпустили, инстинктивно отодвинулась ещё дальше от госпожи Синь. Хотя она не решалась уйти, её страх перед ней был трудно скрыть.

Увидев эту сцену, Гу Чжису опустил веки, но на губах сохранилась улыбка. Он наклонился и тихо спросил:

— Цзиньер тоже пришла с матерью поприветствовать бабушку?

— Цзиньер, иди к своему сводному брату, пусть он хорошенько на тебя посмотрит.

Госпожа Синь увидела, что он всё же обратился к девочке после молчания, её губы скривились в усмешке, и она подтолкнула девочку, разрешая ей подойти к Гу Чжису. Получив такое разрешение, глаза девочки тут же загорелись, мелкими шагами она подошла к брату неподалеку, схватила его за полы одежды и умоляюще глядя на него тихо позвала:

— Брат... Я хочу... Я хочу вернуться...

— Ты не сможешь вернуться, Цзиньбер.

Госпожа Синь услышала её робкий голос, не спеша взяла чайную чашку, небрежно подула на пар и, улыбаясь, холодным голосом сказала:

— Отныне ты моя дочь и никогда не вернешься.

Сказав это, она проигнорировала то, как лицо девочки мгновенно побледнело, глаза покраснели, а крупные слезы покатались по щекам — выглядела она крайне напуганной и печальной. Госпожа Синь лишь холодно хмыкнула, косо посмотрела на Гу Чжису, и между её бровей читалась невыдержанная убийственная злоба и самодовольство кошки, играющей с мышью.

Гу Чжису встретил её взгляд без изменений. Видя её отношение к Гу Чжицзин — не как к дочери, а как к инструменту, к которому она даже не пытается приклеить маску заботы, — он понял, что у ней на уме. Он уже протянул руку, чтобы погладить волосы девочки, как снова услышал неторопливый голос госпожи Синь.

— Через несколько дней князь изменит родословную книгу, чтобы Цзиньбер воспитывалась у меня на коленях. Твоя мать поспешила, вчера уже привезла её ко мне, и я тут же приказала сшить для неё новую одежду. Но, несмотря на хорошую еду и одежду, она выглядит не счастливой. Истинно неблагодарно. Ты должен поговорить с ней, пусть ведёт себя веселее, а то я буду недовольна.

Гу Чжису увидел, что после слов госпожи Синь девочка уже дрожала от страха. После мгновенного колебания он всё же вздохнул, поднял её и полумягко прижал к себе, слегка похлопав по спине, чтобы успокоить:

— Цзиньбер не бойся, это мать, она не причинит тебе вреда.

Видя, что девочка после его утешения подняла на него глаза, полные неверия, Гу Чжису очень тихо вздохнул, но больше ничего не сказал.

С того момента как Гу Чжису услышал слова госпожи Синь, он знал, что она никогда не сдержит обещание. Сейчас она говорила такие хорошие слова только для того, чтобы он или Цзюнь-ши питали надежды и расслабили бдительность. Госпожа Синь считала, что пока у неё в руках Гу Чжицзин, Цзюнь-ши будет у неё в заложниках, а если Цзюнь-ши в заложниках, значит и он сам. Это именно то, на что надеялась госпожа Синь.

Когда враг схватывает тебя за больное место, в последующие дни приходится действовать осторожно, и у госпожи Синь появится больше времени для планирования. Когда она родит сына в утробе, её козыри станут весомее, не составит труда найти возможность, чтобы этот ненавистный сын наложницы навсегда исчез с её глаз.

Поэтому она не запишет Гу Чжицзин к себе как законную дочь и не отправит её во дворец ради успеха планов Гу Вэньмяня. В сердце госпожи Синь, если её дочь не может войти во дворец, то лучше, чтобы никто из клана Гу не вошел туда — это именно тот результат, который она хочет видеть.